

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССАХ, ПРОИСХОДЯЩИХ В СОВРЕМЕННОЙ КОЛХОЗНОЙ СЕМЬЕ *

История семьи, как общественного института, всегда занимала большое место в этнографических исследованиях. Эта тема была как бы преддверием к изучению общественных отношений у разных народов в прошлом и настоящем, открывая возможность установить изменение форм самой семьи и брака и того социального строя, составной частью которого они являлись. Именно с таких позиций подошел к этой теме один из основоположников научного социализма Фридрих Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», ставшей не только классическим трудом по истории семьи, но и первым марксистским введением в общую этнографию.

Исторически сменявшиеся формы семьи на различных этапах общественного развития характеризовались не только различными формами брака и родственных связей (структура семьи), большим или меньшим количеством входивших в семью поколений, но и своим отношением к хозяйству. На протяжении исторического развития различные семьи отличались степенью подчинения своей организации характеру общественного производства. Не все виды семьи являлись хозяйственными ячейками общества: парная семья, а также брачные пары, существовавшие внутри больших домашних общин, не имели своих отдельных хозяйств, обособленных от общего хозяйства родовой или домашней общины. В более позднюю эпоху отдельная семья (*einzelne Familie* — по Энгельсу) была уже хозяйственной единицей — ее экономическим центром являлось домашнее хозяйство, имевшее производственные и потребительские функции. Иногда производственные функции отмирали, переходя к более крупным, не связанным непосредственно с семьей, производственным организациям, но потребительские функции всегда сохранялись. Такая связь семьи с хозяйством оставалась и при капитализме.

Дальнейшие судьбы семьи представлялись Энгельсу следующим образом: «С переходом средств производства в общественную собственность отдельная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную промышленность. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными»¹. Однако подобное преобразование семьи, как показывает

* Доклад на этнографическом совещании, состоявшемся в Ленинграде в мае 1956 г.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 221.

исторический опыт, не может произойти немедленно, сразу же после перехода средств производства в общественную собственность.

Происшедшее в СССР после Октябрьской революции обобществление основных средств производства создало предпосылки для освобождения семьи от хозяйственных функций; но процесс высвобождения длителен, он связан с созданием форм и организаций, которые должны заменить домашнее хозяйство. В решениях XX съезда КПСС указаны мероприятия, которые постепенно уменьшают экономическое значение домашнего хозяйства и разгрузят женщину от многих связанных с этим хозяйством забот. К этим мероприятиям относятся: широкое развитие общественного питания, расширение промышленности, обслуживающей нужды домашнего хозяйства, увеличение числа детских учреждений в городах и сельских местностях, создание многочисленных интернатов для школьников и пр.² Это значительно облегчит труд женщины-матери по воспитанию детей и улучшит условия питания населения в городах и промышленных центрах. Дальнейшее развитие бытового обслуживания семейных коллективов — до уровня, необходимого для полного раскрепощения женщины как домашней хозяйки, — будет задачей нескольких последующих пятилеток, и в течение всего этого времени домашнее хозяйство будет занимать значительное место в жизни советской семьи.

Проблема раскрепощения женщины-хозяйки представляет большие трудности для своего разрешения в городах и рабочих поселках, где семейные коллективы давно уже являются коллективами потребительскими; еще большие трудности возникают при разрешении той же проблемы в сельских местностях, где семейные коллективы сохраняют производственные функции. Поэтому изучение хозяйственного быта семейных коллективов колхозного крестьянства представляет насущную и актуальную задачу для тех, кого интересует будущее советской семьи.

Советские этнографы никогда не прекращали изучения истории семьи, ее форм, структуры, внутренних взаимоотношений, связи с общественным бытом. В первые годы Советской власти, когда наряду с социалистическим укладом еще сохранялись старые общественные уклады, можно было наблюдать у народов, живших на территории Советского Союза, многообразные формы семьи в ее развитии от парной семьи до отдельной семьи современности. У чукчей сохранялись некоторые пережиточные формы группового брака (так называемый переменный брак), в то время как преобладающей была моногамная семья (хотя у богатых наблюдалось многоженство). У коряков моногамную семью дополнял левират (обязательная женитьба младшего брата на вдове старшего). У якутов моногамная семья, с патриархальной властью главы семьи, расширялась рамками обязательного левирата и сорората (женитьба вдовца на младшей сестре жены). У народов Средней Азии (казахов, киргизов, узбеков, таджиков, туркменов и других) сохранялись большие неразделенные семьи, с моногамией у бедняков и многоженством у богатей. Большая неразделенная семья, наряду с отдельной малой семьей, бытовала у армян, грузин, осетин, народов Поволжья. Отдельная семья была господствующей формой у русских, хотя наряду с ней имелось немало больших неразделенных семей. И, наконец, исключительно в форме отдельной семьи, состоявшей из двух (реже — из трех) поколений кровных родственников, укрепился семейный уклад народов Прибалтики. Живая история семейных форм, семейных взаимоотношений и форм брака могла изучаться и изучалась советскими этнографами путем прямых наблюдений, сопоставлений, личной проверки. Это очень обогащало исследования, давало возможность собрать проверенный материал обо всех сторонах семейной жизни.

² См. Резолюцию XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС, М., Госполитиздат, 1956, стр. 4, 20 и 23.

Когда теперь, после нескольких десятилетий, этнографы изучают семью у тех же народов, они имеют прекрасный материал для сравнения с прошлым и могут представить динамический процесс изменения форм семьи, упразднения некоторых ее функций, упрощения структуры.

Развитие социалистических отношений подорвало возможность существования на территории СССР наиболее архаических форм семьи. С того момента, когда законодательным путем было запрещено многоженство, семья у народов Средней Азии утратила свои особенности, отличавшие ее от других форм большой неразделенной семьи, бытовавшей у некоторых других народов Советского Союза. Формы семьи стали унифицироваться.

Государственная регламентация брачных союзов изменила формы заключения брака. Гражданская регистрация браков, запрещение продажи женщин, установление минимального возраста для вступления в брак, запрещение брака малолетних, насильственной выдачи замуж девушек и пр. — прежде всего отразились на положении девушек-невест, получивших защиту закона от посягательства на их свободу и право распоряжаться своей судьбой. Но продолжавшееся веками угнетение женщины как основной рабочей силы в домашнем хозяйстве не могло исчезнуть сразу, путем юридического раскрепощения ее. Внутренний распорядок всей жизни больших и малых семей, в которых продолжали сохраняться особые права главы семьи, способствовал консервации семейных традиций. Женщина, формально освобожденная законом, сплошь и рядом продолжала беспрекословно нести бремя своей зависимости от отца, мужа, старшего брата, от свекрови. Попрежнему скованной традициями оставалась жизнь крестьянки, дехканки, аратки в единоличных хозяйствах с хозяевами-собственниками, — независимо от того, как они относились к Советской власти. Самый уклад жизни, в котором до мелочей регламентировались обычаем взаимоотношения членов семьи, распределение труда между ними, права и обязанности по отношению к родителям, — служил препятствием нововведениям. Идти против силы традиций решались лишь немногие женщины, даже если они знали о своих правах. Лишенная возможности иметь вне семьи собственные заработки, свободно распоряжаться имуществом, женщина-крестьянка большей частью не могла использовать предоставленные ей Советской властью юридические возможности.

Только коллективизация сельского хозяйства создала прочные основы для экономического раскрепощения женщины, для уничтожения ее зависимого положения в семье.

Изучение того влияния, которое оказала коллективизация сельского хозяйства и продолжает оказывать колхозный строй на форму и структуру крестьянской семьи и на внутренние взаимоотношения ее членов, представляет центральную проблему при этнографическом изучении современного семейного быта колхозников. Крестьянская семья является постоянным и единственным резервуаром рабочей силы для общественного хозяйства колхозов. От того, как подготавливает эта семья к труду своих членов, в значительной мере зависит трудовая дисциплина в колхозах. Внутренний строй семьи может содействовать организации труда в колхозе или, наоборот, мешать ей в тех случаях, когда уравниловка и обезличка, привычные для быта больших семей (при удовлетворении потребительских интересов ее членов), входят в коллизию с принципом развития личной заинтересованности колхозника в результатах его труда, в коллизию со сделальной и премиальной системой оплаты труда в колхозах. Большое значение имеет также отношение колхоза как хозяйственной организации к состоянию подсобных хозяйств колхозных дворов, степень трудовой и экономической помощи семейно-трудовым коллективам при обработке индивидуальных огородов, при заготовке топлива, сена и пр. От правильности взаимоотношений общественного хозяйства колхоза с подсобным хозяйством колхозников одинаково зависят и развитие коллективного хозяйства, и благосостояние колхозников.

Как и всякая другая семья в СССР, крестьянская семья выращивает новые поколения советских граждан — строителей коммунистического общества. Советская деревня тысячами нитей связана с городскими и промышленными центрами страны, она выдвигает пополнение рабочих кадров, кадров интеллигенции. И она же принимает в свою среду десятки тысяч специалистов, приходящих из городов для механизации сельского хозяйства, для культурного обслуживания населения. Казалось бы, что при таких интенсивных и разносторонних связях семьи колхозных крестьян должны были бы иметь и быт, если не аналогичный, то близкий к быту горожан. Но ведь этого нет; домашний быт колхозного крестьянства значительно отличается от быта горожан. Объяснить эти отличия только спецификой сельского хозяйства нельзя.

Теперь, когда советское государство вырабатывает мероприятия для мощного подъема социалистической экономики и повышения благосостояния советского народа, выяснение процессов, происходящих в семьях колхозников, имеет большое практическое значение.

Семьи крестьян-колхозников теснейшим образом связаны своим бытом с другими сторонами жизни сельского населения; правильно поставленное этнографическое изучение семейного быта позволяет исследователю глубоко проникнуть в жизнь села (кишлака, аула, станицы, стойбища). Это изучение помогает выявить рост материальных и культурных потребностей населения, появление новых вкусов, формирование новых нравов, — т. е. ту сторону жизни, которая при обычных методах фиксации наиболее трудно поддается выявлению. Такое исследование позволяет установить причины, мешающие быстрой перестройке семейного быта и помогающие сохранению в нем устаревших традиций и вредных пережитков. Но семейный быт каждого народа имеет специфику, связанную с условиями, в которых народ жил раньше и живет теперь. С этими условиями нужно считаться и предусмотреть, как они будут сказываться на проведении мероприятий, направленных на улучшение быта. Вот почему изучение крестьянской семьи должно производиться этнографами и с этнографических позиций, исключаящих обезличку при оценке бытовых явлений.

Этнографические учреждения нашей страны в течение последних лет значительно активизировали свои исследования по истории современной семьи, но все же в этой области делается пока немного. Во всяком случае размах исследований не соответствует научному и практическому значению проблемы. Несколько журнальных статей (главным образом в журнале «Советская этнография»), небольших брошюр и книг, не опубликованных еще кандидатских и докторских диссертаций — вот все, чем могут похвалиться наши исследователи³. По опубликованным и подготовленным к печати исследованиям нельзя представить общей картины происходящих у отдельных народов процессов изменения семейного быта. Исследования велись по разным программам и поэтому выводы их часто несопоставимы. Институт этнографии имени Миклухо-Маклая Академии наук СССР взял на себя почин объединить отдельных исследователей и координировать их работу, чтобы через несколько лет создалась возможность написать обобщающий труд о семье и семейном быте народов СССР. Была выработана, в соответствии с рекомендацией Всесоюзного совещания этнографов (в 1951 г.), типовая программа полевых исследований по этой теме. С 1954 г. русские, украинские, белорусские, литов-

³ Главы о семье и семейном быте колхозного крестьянства в монографиях «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», М.—Л., 1954; «Прошлое и настоящее селения Айкыран», Ташкент, 1955; кандидатские диссертации А. И. Винниуской «Семейный быт литовских колхозников», Э. Т. Карапетян и Д. С. Вардумяна «Семья и семейный быт колхозников Армении» (разные районы), Е. М. Тошачковой «Общественное и семейное положение женщины у южных алтайцев», докторская диссертация Н. А. Кислякова «Семья и брак у таджиков» и др.

ские и армянские этнографы ведут свои исследования по единой программе.

К сожалению, некоторые этнографические коллективы (в академиях наук Узбекской, Эстонской, Грузинской ССР) ведут свои исследования по иным программам, а другие (академии наук Латвийской, Казахской ССР и др.) вовсе не принимают участия в работе по данной теме.

В некоторых опубликованных исследованиях выдвигается на первый план то одна, то другая сторона общей проблемы, причем, как общее правило, увлекаясь описанием тех форм семьи, которые ушли в прошлое, этнографы не всегда придают должное значение пережиткам этих форм в современности. Современная семья колхозного крестьянства декларируется как новая и вполне законченная форма «единой советской социалистической семьи». Проблема современной семьи колхозного крестьянства не может, конечно, быть раскрыта путем поверхностных описаний и деклараций. Если по отношению к этнографическим материалам можно употреблять термин «лакировка действительности», то он подойдет к этим описаниям. Авторы подобных исследований оказывают сомнительную услугу науке, делают невозможными практические выводы, могущие лечь в основу каких-либо партийных решений или правительственных мероприятий в данной области. Без углубленного исторического подхода к теме, без документально установленных фактов, статистических данных, без точных описаний, многочисленных и разнообразных наблюдений, которые можно потом анализировать и систематизировать, исследование по такой теме не будет научным.

Разработанная комиссией по координации исследований в области изучения семейного быта типовая программа помогла тем, кто ею пользовался, собрать ценные материалы о различных сторонах семейного быта. Этнографам пришлось, собирая эти материалы, самостоятельно производить подворные переписи в селениях, быт которых они изучали. Это обеспечило получение вполне проверенных сведений о составе семей, родственных отношениях, возрасте людей, их грамотности и образовании, профессиях, квалификации, месте работы и пр. Собраны также подробные сведения о жилом фонде и типах домов, в которых живут отдельные семьи. Это был большой труд, от которого исследователи могли быть избавлены, если бы имели возможность пользоваться официальной статистикой. К сожалению, статистические сведения не только не обрабатываются по тем формам, которые могли бы удовлетворить этнографов, но часто и не публикуются. Это большой недостаток, мешающий научной работе.

В самом деле, этнограф или даже целая группа этнографов, выезжающая для полевой работы, может провести перепись одного какого-либо селения, колхоза; но ей не под силу охватить подобным обследованием целый район. На какой же срок должна растянуться исследовательская работа, касающаяся положения семьи в нескольких районах или у какого-либо народа! Да и в отношении одного селения исследователь связан тем, что у него нет возможности провести сравнения, сопоставить материал и сделать выводы, если он не обладает статистическими сведениями по другим селениям, по целым районам, областям. Разве можно научно обосновать без сравнительных и сводных статистических данных (за много лет и по большим территориям) такие процессы, как повышение или понижение среднего брачного возраста, числа браков и разводов, рождаемости и смертности? Насколько необходимы эти данные для этнографа, изучающего семью, не может быть спора. И насколько важно связать эту статистику с бытовым конкретным материалом, тоже можно не доказывать.

Несмотря на то, что отсутствие статистических публикаций суживает масштаб исследований, а иногда и просто делает невозможным научное обобщение многих явлений, обнаруживающихся при изучении семьи и быта отдельных народов, исследователи не жалеют труда для сбора не-

обходимых сведений. Только научным упорством и творческим энтузиазмом можно объяснить результаты их работы за последние два-три года.

Опубликованные работы, а также имеющиеся в распоряжении комиссии по координации исследования о семье и семейном быте русского, литовского, армянского, латышского колхозного крестьянства позволяют сделать некоторые предварительные выводы о преобладающей форме семьи и ее внутренней структуре.

Средняя численность семьи у народов, по которым уже имеются материалы, составляют динамическую величину в пределах от 4 до 6 человек. Преобладают семьи с двумя, реже с тремя детьми. Многодетные семьи (5—6 и более детей) особенно редко встречаются в настоящее время в Прибалтике — у литовцев и латышей, хотя у русских и украинцев многодетные семьи также не очень распространены. Не имея сравнительных и обобщающих статистических данных по большим территориям, трудно установить соотношение различных по численному составу семей у отдельных народов и высказаться о самом процессе, т. е. наблюдается ли сокращение средней численности семьи или, наоборот, увеличение ее. Не установив же направление самого процесса, нельзя приступить к следующему этапу исследования — изучению причин явления. Иначе говоря, приходится пока остановиться на полдороге.

Несколько отчетливее выступают другие стороны проблемы. Вопрос о формах семьи разрешается так: за исключением некоторых областей (о них скажу ниже) преобладающей, а во многих областях и краях единственной формой является отдельная малая семья, состоящая из двух (реже трех) поколений родственников по прямой линии, т. е. обычно вместе живут родители и их незамужние и неженатые дети. Иногда в такой семье живут также старые родители мужа или жены. Большая неразделенная семья в этих областях отошла в прошлое, и нет никаких признаков, что она может вновь возродиться.

В СССР, судя по материалам исследований, было два периода, когда происходило интенсивное деление больших семей: это было в первые годы Советской власти и в начале коллективизации. Национализация земли и распределение ее среди крестьян по числу членов семей, — но не выше определенного предела, исключавшего полное наделение землей всех членов разросшихся больших семей, — вызвали быстрое, но часто фиктивное разделение больших семей. Однако, начав жить отдельно, семьи постепенно обособлялись в питании и разрывали производственные связи с семьями родителей или братьев. При коллективизации же деление больших семей вызывалось желанием получить новые приусадебные участки и право на содержание большего количества домашнего скота. Многие большие семьи разделялись вначале также фиктивно, продолжая питаться из общего котла. Но вскоре отделившиеся для виду семьи принуждены были действительно обособиться, чтобы не потерять права на приусадебные участки и домашний скот.

Как показывают собранные материалы, процесс приспособления форм семьи к условиям советского землепользования был повсеместным, хотя большие семьи распались во многих областях и у многих народов уже задолго до социалистической революции под влиянием развивающегося капитализма.

Как бы ни был, однако, интенсивен процесс деления больших семей, они продолжают еще существовать у ряда народов СССР. Отсутствие статистических сведений по целым областям лишает нас возможности установить степень распространенности большой неразделенной семьи в настоящее время. Наличие таких семей отмечено и в Армении, и в Таджикистане, и в Узбекистане. В селении Айкыран Наманганской области, как сообщает М. А. Бикжанова⁴, семьи, живущие большим кол-

⁴ «Прошлое и настоящее селения Айкыран», стр. 202—203.

лективом, в который входит несколько малых семей близких родственников, в частности отца и женатых сыновей, составляют преобладающее большинство. Такие семьи имеются по всему Узбекистану. Многие подобные семьи стали делиться, и в настоящее время происходит интенсивный процесс образования малой отдельной семьи⁵.

«Причинами, стимулирующими разложение большой семьи,— пишет тот же автор,— являются: сохранение ею некоторых черт патриархальности, несовместимых с советским строем; противоречие между индивидуальным распределением доходов в колхозе — что является одним из стимулов повышения производительности труда — и уравнительным принципом их распределения в неразделенных семьях; неудобства совместного проживания нескольких брачных пар; протест против ограничения личной свободы авторитетом старших»⁶.

Автор очень метко охарактеризовал процесс деления больших семей, указав основные причины его. Этнографы, изучавшие условия разделения последней большой семьи в русском селе Вирятино Тамбовской области, приходят к тем же выводам, к которым пришла М. А. Бикжанова, изучая узбекскую семью. Несколько особняком стоят сообщения армянских этнографов, утверждающих, что в некоторых районах Армении наблюдается сложение новых больших семейных коллективов, члены которых жили до сих пор отдельно. Сообщения эти требуют дополнительного изучения на месте.

Внешне схожий, но совершенно иной по своей сущности процесс деления семьи происходит непрерывно и в малых семьях. Независимо от численного состава семьи, колхозная отдельная малая семья делится, когда приходит очередь жениться второму сыну; в таких случаях выделяется старший женатый сын. Часто деление семьи происходит уже при женитьбе первого из сыновей. В большинстве колхозов, независимо от национальности колхозников, создание нового семейного коллектива не представляет особых трудностей,— ни экономических, ни жилищных. Молодые семейные пары при женитьбе избавлены от тех препятствий, которые встречают молодожены в городах из-за отсутствия свободной жилой площади. Если делящаяся семья не может предоставить молодоженам особый дом (иногда такой дом строится родителями загодя, в предвидении женитьбы сыновей), то им выделяется временно часть родительского жилого дома, который обычно делится пополам. К этой половине пристраивается особая кухня. Через год-два молодожены возводят, с помощью колхоза и государственной ссуды, свой собственный дом или капитально расширяют дом родителей. Что касается приусадебного участка, то дело колхоза обеспечить своих членов, выделившихся в особое хозяйство, необходимой землей. Так, за редкими исключениями, всегда и бывает.

Иногда из родительской семьи выделяются все женатые сыновья, оставляя стариков на попечение незамужних дочерей. На территориях, пострадавших от гитлеровского нашествия, где убыль мужчин была особенно велика, незамужние взрослые дочери часто перенимают хозяйство родителей. Но преобладает все же правило, согласно которому один из сыновей, женившись, должен оставаться дома и содержать престарелых родителей. У русских это делает младший сын, у литовцев — чаще старший. Здесь, видимо, сказывается правовая традиция, связанная с миноратом у восточных славян и майоратом у прибалтийских народов. В прежнее время у литовцев и латышей сын, остающийся с родителями, заключал с ними письменный договор, гарантировавший старикам пользование жилой площадью и определенные размеры продовольствия. Бывали случаи, что, продавая дом родителей, сын передавал новому собственнику вместе с домом и свои обязанности в отношении стариков до их смерти. В насто-

⁵ «Прошлое и настоящее селения Айкыран», стр. 213.

⁶ Там же.

ящее время, т. е. при колхозном строе сыновья, конечно, не заключают больше с родителями письменных договоров.

Представляют громадный интерес внутренние взаимоотношения в колхозной семье. Некоторые исследователи не уделяют особого внимания анализу этих отношений, кратко отмечая, что как в неразделенных больших семьях, так и в малых, отдельных, все строится на «новых, социалистических началах». Несомненно, что в семейном быту народов Советского Союза произошли громадные сдвиги и что старый патриархальный быт не совместим с советским социалистическим строем и потому он теряет свою опору в семье. Правовые и экономические позиции его подорваны. Изменение экономической базы крестьянской семьи — с тех пор как основные доходы получаются не от частнособственнического хозяйства, а от участия членов семьи в коллективном производстве, — сделало невозможной хищническую внутрисемейную эксплуатацию труда женщин и молодежи; а ведь на этом строились патриархальные отношения в крестьянской семье. Подрывает патриархальщину и общее повышение культурного уровня колхозного крестьянства. Однако кое-что от патриархальщины остается, и на это нельзя закрывать глаза.

Наши советские юристы утверждают, будто в крестьянской среде вообще исчезло понятие «глава семьи» и этот термин чужд советскому законодательству, признающему лишь понятие «главы колхозного двора». Действительно, в советских законах такой термин не употребляется, но в крестьянском быту он сохранился. Народная традиция подменила старым термином новое понятие, вернее сказать, — объединила оба понятия.

Под новым названием «главы колхозного двора», долженствующего представлять семейно-трудовой коллектив колхозного двора при сношениях с административными органами, в большинстве случаев выступают главы семей, т. е. один из родителей (отец или мать-вдова), на имя которого записаны дом и хозяйственные постройки. Сплошь и рядом «главы колхозных дворов» по старости не могут выполнять никаких работ, не участвуют в общественном хозяйстве, с колхозным производством непосредственно не связаны. Но эти старшие члены семей продолжают по традиции играть большую роль во внутрисемейной жизни. Во многих колхозах заработанные молодыми колхозниками деньги не выдаются им на руки, а передаются «главам семей». Исследователями отмечено, что чем распространеннее у народа форма большой неразделенной семьи (хотя бы и ставшей «вполне советской» по своему быту), тем значительнее сказываются у этого народа старые патриархальные традиции. Обычно эти традиции объясняются местными жителями, как «уважение к старшим». Но уважение детей к родителям, являющееся одной из основ советской семьи, принимает в таких семьях совсем не обычные для социалистических отношений формы. Вот что, например, сообщает об этом М. А. Бикжанова: «Подчеркивая свое уважение к родителям, дети называют их на вы, никогда им не возражают. В тех случаях, когда взрослые дети не согласны с мнением или желанием родителей, они стараются воздействовать на стариков косвенным путем, нередко прибегая к посредничеству какого-нибудь уважаемого лица. Этот пережиток патриархальных отношений иногда ведет к тому, что дети, боясь обидеть родителей, отказываются от проведения своих более передовых прогрессивных взглядов, выполняют отсталые, вредные обычаи»⁷. Такое явление наблюдается не только в узбекских больших семьях — в малых семьях русских, армян, грузин моральная власть главы семьи тоже еще не изжита. Насколько в этом виноваты пережитки патриархальных традиций и в какой мере здесь сказываются более поздние правовые отношения хозяина-собственника, который считается владельцем недвижимого имущества, — нужно еще выяснить. Над этим стоит потрудиться знатокам обычного права.

⁷ «Прошлое и настоящее селения Айкыран», стр. 193.

По сравнению с дореволюционным временем в современной колхозной семье отношение к невесткам-снохам и зятям, живущим в доме родителей жены, коренным образом изменилось: невестка и зять являются полноправными членами колхозного двора, и если они принимают активное участие в колхозном производстве и имеют самостоятельный заработок (трудодни), то занимают в семье соответствующее положение. Попытки использовать труд невестки в домашнем хозяйстве таким образом, чтобы превратить ее в бесплатную домашнюю работницу и ограничить степень ее участия в колхозном производстве, отмечаются этнографами только в единичных случаях (в больших неразделенных семьях), как исключение из общего правила. Но все же родственные связи между родителями мужа и невестками-снохами подвергаются большим испытаниям, если сын главы семьи умер и сноха овдовела. Даже в том случае, когда у вдовы есть дети, она не всегда остается жить у родителей покойного мужа. Если же она бездетна, то переходит жить к своим родителям или отделяется в особое хозяйство. Правда, многое зависит от поведения самой вдовы.

Зятья-примаки — редкое явление в настоящее время, но в первые годы после Отечественной войны оно встречалось чаще. В бывших прифронтовых районах оседали после демобилизации многие воины Советской Армии, происходившие из далеких областей. Иногда они создавали свои хозяйства, женились, приводили жену в свой дом; но часто входили в хозяйство родителей жены. Как временное, спорадическое явление случалось, что зять, состоявший членом бедного колхоза, выдававшего мало продуктов и денег на трудодни, переходил в колхоз своей жены, если он был богаче, и поселялся в доме ее родителей. Так было, например, в первые годы коллективизации в Литве. По мере хозяйственного укрепления колхозов отпадает стимул к таким переходам.

Гражданская регистрация браков производится повсеместно на всей территории Советского Союза, но и выполнение религиозных обрядов после этой регистрации еще очень распространено в сельских местностях. Не регистрируют свои браки лишь пожилые вдовцы и вообще пожилые люди, боящиеся насмешек со стороны молодежи. Браки без регистрации чаще бывают у русских, украинцев, литовцев, латышей. У народов Кавказа и Средней Азии подобных случаев этнографы не отмечали. Но при всякой форме заключения брака сельское общественное мнение считает обязательным выполнение некоторых связанных с заключением брака старых обычаев (например, так называемого «запоя» — у русских). Многие свадьбы проходят пышно, по старым обрядам; но все большее распространение получает новый вид свадьбы, сводящийся к праздничному ужину и танцам молодежи. Публичным празднованием свадьбы подчеркивается социальное значение брачного союза, приводящего к образованию новой семьи, нового хозяйства. Попытки придать браку характер частного соглашения супругов, не имеющего отношения к родным и соседям, встречают резкое осуждение окружающих.

Принято думать, что разводы в сельских местностях происходят гораздо реже, чем в городах. Наблюдения этнографов не подтверждают такого мнения. В колхозной деревне, кишлаке, ауле довольно много людей живет, порвав свои прежние семейные отношения. Иногда такие люди живут одиноко, иногда создают новые семьи, не регистрируя брака. Учесть распространенность этого явления невозможно по той причине, что разводы большей частью не оформляются по суду.

Н. А. Кисляков, изучавший домашнюю и семейную жизнь колхозников-таджиков в селении Чкаловск Ленинабадской области, указывает, что в первые годы Советской власти многие женщины, выданные замуж против своей воли, стали разрывать свой брак. Теперь, когда положение женщины изменилось и в семье, и в обществе и насильственная выдача замуж преследуется законом, число разводов сократилось⁸. Несомненно

⁸ См. «Культура и быт таджикского крестьянства», стр. 181.

однако, что это явилось также следствием изменений, внесенных в законы о браке и семье в 1945 г. и усложнивших процедуру развода. В том же направлении влияет давление традиций, заставляющих вмешиваться в это дело колхоз и сельсовет, чтобы уговорить жену отказаться от требования развода. Укрепляет ли это семью или только подавляет сопротивление женщины — сказать трудно; видимо, конкретные обстоятельства решают этот вопрос по-разному. Тем не менее положение в таджикском кишлаке ясно — разводы имеют место.

В русских и украинских селах, где отношения вообще свободнее, а женщина никогда не была затворницей, не продавалась за калым, не выдавалась замуж малолетней, — разводы значительно участились после Отечественной войны, когда в колхозах женщин стало вдвое, а то и втрое больше мужчин. При наличии большого числа молодых вдов, имеющих самостоятельное хозяйство и свой дом, действие закона о разводах не могло быть эффективным: уходящий от прежней семьи мужчина может просто перейти в дом вдовы, не ставя вопроса о разделе имущества с прежней семьей. Новый порядок получения развода очень усложнил, однако, правовое положение вновь создающихся семей, в основе которых лежит незарегистрированный брак. Необходимость изменения этого закона вполне назрела.

В семейном быту колхозного крестьянства сохраняется много пережитков религиозного характера; в районах же с мусульманским населением, где положение женщины в семье было особенно тяжелым, происходит, кроме того, много бытовых нарушений брачного и семейного законодательства советской власти.

Пережитки религиозного характера разнообразны: так, например, в районах с мусульманским населением повсеместно выполняется обряд обрезания. В русских и украинских селах сохраняется традиция соблюдения церковных престольных праздников, хотя во многих из этих сел нет церквей. У литовцев и латгальцев-католиков соблюдение многочисленных церковных праздников вызывает иногда приостановку работ в колхозах в самые напряженные периоды сельскохозяйственного производства. Обряды поминовения умерших у некоторых народов Кавказа все еще сопровождаются большими тратами продовольственных запасов, приводят к массовому истреблению домашнего скота.

Бытовые нарушения советского законодательства о браке и семье сплошь и рядом приводят к тяжелым преступлениям, направленным против женщин. Этнографы, к сожалению, очень мало используют судебные материалы о бытовых преступлениях, совершаемых в семье; между тем это очень важный источник для выявления наиболее вредных пережитков и для борьбы с ними.

Вообще, обрядовая сторона семейной жизни колхозного крестьянства изучается этнографами несколько односторонне, скорее в поисках реликтов, чем в плоскости борьбы с теми условиями, которые помогают сохранению в крестьянском быту отсталых традиций и вредных явлений.

Этнографы, изучающие семейный быт колхозного крестьянства, отмечают неизменно повышающийся под влиянием культурно-просветительных мероприятий Советского правительства уровень образования населения и, в связи с этим, увеличение интеллигентской прослойки в колхозных семьях. До последнего времени, однако, большинство мужчин и значительное число женщин, оканчивающих среднюю школу, не оставалось в родных селах. Что касается заканчивающих техникумы и высшие учебные заведения, то за небольшим исключением все они уходили на работу в отдаленные от родных мест районы. Объяснялось это своеобразным порядком распределения выпускников, тягой сельской молодежи в города и крупные центры, а также опасением молодых специалистов, что в родных селах они на первых порах не будут пользоваться необходимым авторитетом. Теперь положение изменилось: потребность в специалистах —

механизаторах, врачах, педагогах, агрономах, электриках, и пр. в сельских местностях настолько возросла, что новой интеллигенции всюду обеспечена интересная работа по специальности, и создаются возможности жить в культурных условиях. Значительная часть учащейся молодежи оседает после учебы в своих селах. Возвращение молодежи домой создает лучшие условия для более быстрого повышения культурного уровня колхозных семей, для борьбы с рутинной и невежественной жизнью в семейном быту.

Эти скупые, по необходимости, извлечения из собранного исследователями этнографического материала показывают, насколько разнообразны темы, возникающие при изучении колхозной семьи и семейного быта сельского населения, и как велико их практическое значение для ускорения коммунистического строительства в советской деревне.

Следует отметить, что этой проблемой занимается в настоящее время очень мало этнографов. Некоторые этнографические учреждения совершенно упустили тему «Семья и семейный быт сельского населения» при составлении перспективных планов на ближайшую пятилетку. Другие запланировали написание небольших статей, предполагая, видимо, что имеют в своем распоряжении исчерпывающие сведения, собранные попутно в предыдущие годы. Это совершенно необъяснимое заблуждение, показывающее, насколько этнографическая наука может оторваться от живой действительности, если не имеет непосредственной связи с теми людьми, быт которых она должна изучать.

Мы призываем этнографов, занятых изучением советской современности, расширить масштабы исследований о семье и семейном быте колхозного крестьянства. Чем больше научных учреждений включится в это дело, тем быстрее будет продвинута разработка проблемы. Советская общественность должна знать, что представляет собой в настоящее время семья колхозного крестьянина, какую роль она играет у каждого народа и какие меры, возможно, в законодательном порядке, следует провести, чтобы облегчить и ускорить быстрейшую социалистическую перестройку семейного быта крестьян-колхозников.
